

ЗНАНИЕ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР "ЯЗОН"**

ЗНАНИЕ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОСКВА НАУКА 1991

**ББК 81
3 73**

Ответственные редакторы:

доктор филологический наук, профессор *В.П. Нерознак*
доктор педагогических наук, профессор *И.И. Халеева*

Рецензенты:

доктор филологических наук *В.М. Андрющенко*
кандидат филологических наук *Ю.С. Зеленов*

Редактор издательства *К. Г. Красухин*

**Знание языка и языкознание. — М.: Наука,
373 1991. — 184 с.**

ISBN 5-02-011045-0

Сборник посвящен актуальным проблемам языкознания и теории коммуникации. В нем затрагиваются вопросы изменчивости языка в истории и творческой потенции языковой личности, теории сопоставительного языкознания, соотношения формы и содержания в языке, методы лингводидактики и др. Впервые осуществлен синтез теоретической лингвистики и практики обучения неродному языку, раскрывается структура знания о языке, характеризуются методы описания языка.

Для широкого круга филологов, преподавателей иностранных языков.

4602000000-254
3 **042 (02) -91** **573-91, II полугодие**

ББК 81

ISBN 5-02-011045-0

© Издательство "Наука", 1991

О МЕТОДЕ И ОБЪЕКТЕ В НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

В философии, прежде всего в теории познания, в науковедении, а также в специальных дисциплинах как естественного, так и гуманитарного цикла в настоящее время наметилось устремление к системному упорядочению накопленных теоретических знаний. Системология науки (термин Г.П. Мельникова) ориентирована на изучение структуры знания и на оптимизацию научной деятельности. Достижение этой цели возможно лишь при построении общей теории научной деятельности, включающей такие ее компоненты, как теория научных теорий, теория научного метода и, наконец, теория методик и процедур обоснования и аргументирования выдвигаемых теорий, концепций и гипотез. Концептуальный, теоретический плюрализм — одно из неперемennых условий прогресса в науке. Переход от жестко детерминированной, императивно заданной научной деятельности к вариантной, с неединственно ожидаемыми результатами, множественностью решений научной задачи естественным образом влечет за собой и типологическое разнообразие теорий. В науковедении сейчас мы наблюдаем становление особого ее раздела, который можно назвать типологией научных теорий или теоретической типологией.

Проблемы методологии науки, соотношения теории и метода, когнитивные аспекты в научном познании занимают умы не только философов, но и представителей социальных наук как естественного, так и гуманитарного цикла. Обоснованию необходимости комплекса

частнонаучных теорий и методов в конкретных научных дисциплинах посвящены работы представителей самых разных наук. Опираясь на идею научной метафоры применительно к экстраполяции метода одной науки на другую, ученые стараются обогатить за счет этого и расширить возможности используемых в специальной научной дисциплине методов.

Приобретающие характер нового метода научные метафоры могут быть выделены, как это наметил для лингвистики В.А. Звегинцев, в особые типы¹. В развитие этой идеи можно предложить следующую классификацию компонентов метода научной метафоры.

Логическая метафора выступает как научный метод при перенесении логического аппарата на операционный уровень частной научной дисциплины с ориентацией на постулат истинности высказывания (пример — логический анализ естественного языка).

Естественнонаучная (естествоведческая) метафора представляет объект как естественный организм со всеми особенностями его проявления (пример — родословное древо языков А.Шлейхера как классификационная модель).

Компаративная метафора (термин наш), у В.А. Звегинцева "принцип сравнительного рассмотрения" используется не только в сравнительно-историческом, но и в сравнительно-синхронном языкознании. Научной метафорой в лингвистике принцип сравнения может быть назван лишь условно, т. к. этот принцип носит общенаучный характер. По словам Николая Кузанского, всякое исследование основано на сравнении и выражается с помощью пропорций.

¹ Звегинцев В.А. Что происходило в советской науке о языке // Вестник Академии наук СССР, 1989, №12, с. 27–28 (публикация В.П. Нерознака).

Семиотическая метафора исходит из изучения объектов как знаковых систем, и язык в этом случае выступает как самостоятельная семиотическая система².

Структурная метафора пришла как метод в языкознание из наук, изучающих строение вещества.

Математическая метафора внесена в лингвистику как один из приемов математического моделирования языковых процессов. Получила распространение в трансформационной генеративной (порождающей) грамматике и квантитативной (вычислительной) лингвистике.

Компьютерная метафора связана с перенесением методов программирования, автоматизации систем управления и поиска информации, диалоговых систем "человек — машина" во многие сферы научной деятельности человека, включая лингвистику.

Идеологическая метафора возникает как метод исследовательской деятельности из социальной обусловленности функционирования языка. Ее роль в науке о языке неоднозначна. Гипертрофирование значимости идеологической метафоры как метода познания объекта, а в отдельные периоды и придание ей доминирующего положения среди системы методов ведет к **десцентификации** науки, т.е. к замедлению развития, потере эффективности, стагнации и даже к полной утрате способности к получению новых знаний об

² Метафора-метод в гносеологическом плане может рассматриваться как когнитивный тип метафоры, в отличие от чисто языковых ее разновидностей — номинативной и образной. Хотя и в собственно лингвистическом плане метафора также может выполнять когнитивную функцию См. *Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 296.*

объекте (пример — идеологизированное сверх всякой меры "новое учение о языке" Н.Я. Марра).

В процессе современного развития гуманитарных дисциплин идеологическая метафора меняется на социологическую и культурологическую метафоры.

Названные выше направления исследований теории и методологии науки естественным образом способствуют построению общей теории научной деятельности. Построение же такой теории диктуется логикой всего предшествовавшего научного развития. Попытка построения оснований теории научной деятельности как сложного и многоуровневого феномена была недавно предпринята Г.П. Мельниковым и автором этих строк³. При разработке ее принципов были использованы универсальные свойства системной типологии Г.П. Мельникова⁴.

Исследование структуры научной деятельности включало системно-типологическую характеристику всех ее компонентов. На начальном этапе исследования научной деятельности необходимо провести сопоставление между знаниями (как результаты научной деятельности), получаемыми феноменологически, т.е. обычным наблюдением и выводами, т.е. логически получаемыми знаниями.

Феноменологически накопленные знания служат, как правило, основой для построения методик исследования, а накопление новых, выводных знаний из феноменологических требует знаний более универсального характера, которые отражали бы в сознании исследователя онтоло-

³ Мельников Г.П., Нерознак В.П. Исследовательская деятельность и ее отношение к методике, методу и методологии // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988. С. 92–104.

⁴ Мельников Г.П. Принципы и методы системной типологии Автореф. дис. . . . докт. фил. наук. М., 1989.

гические сущностные представления о типах наблюдаемых объектов или об их аналогах. Такие знания формируют к о н ц е п ц и ю, которая в образцовой, высшей своей форме представляет н а у ч н у ю т е о р и ю. В соответствии с целями исследования требуются проверенные исследовательской практикой приемы логического перехода от "больших" и "малых" посылок к выводам о ненаблюдавшихся феноменологических свойствах объекта. Эти приемы и составляют м е т о д исследования.

Вычленение той или иной отрасли накопленных знаний в самостоятельную дисциплину мы может считать состоявшимся лишь при наличии следующих условий. 1) Границы объекта четко оформились, сложились м е т о д и к и получения новых феноменологических знаний о свойствах этого объекта, существует концепция дисциплины, дающая целостную онтологическую картину природы изучаемого объекта. 2) Разработан метод (или комплекс методов), позволяющий на основе новых феноменологических знаний об объекте и ранее установленных концептуальных или теоретических знаний получить логическим путем новые знания о свойствах изучаемого объекта⁵.

Тем самым эффективная исследовательская деятельность возможна в том случае, если она имеет в своем составе все необходимые компоненты ее структуры от основания до вершины: объект, методики, концепцию (теорию) и метод.

В.Л. Нерознак

⁵ Мельников Г.П., Нерознак В.Л. Указ. соч., с. 95.

РЕЧЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМА ЯЗЫКА

Ю.Н. Караулов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН И ЭКСПЕРИМЕНТ ПО МОДЕЛИРОВАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПОНЯТИЙ

Под языковой способностью человека понимают обычно возможность для него производить и понимать предложения и тексты, ранее ему не известные, им не производившиеся и не слышанные. Согласно распространенным представлениям, языковая способность складывается из составляющих, которые соответствуют уровням языковой структуры. Так, различают фонетический компонент языковой способности, морфологический, синтаксический, лексический. Последний совпадает с индивидуальным лексиконом, со словарем "в голове" человека и является ответственным за лексико-семантические связи слов, основывающиеся на ассоциативных принципах¹. В соответствии с подобными представлениями в процессе порождения или восприятия текста происходит соединение, осуществляется синтез разных компонентов, которые в другое время представляют собой независи-

¹ См., напр., *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин 1977; *Aitchison J.* Words in the Mind. // An Introduction to the Mental Lexicon. Oxford. 1987.

мые одно от другого, самостоятельные образования и хранятся в памяти человека по отдельности: отдельно лексика, отдельно правила словоизменения, отдельно правила соединения слов или правила словообразования. Такова наиболее распространенная модель владения языком, которая в явном или неявном виде разделяется, как кажется, большинством лингвистов.

Проведенные мною исследования усредненной ассоциативно-вербальной сети современных носителей русского языка², так же как анализ индивидуальной ассоциативно-вербальной сети³, дают основания пересмотреть расхожую модель владения языком, во всяком случае в части, касающейся лексико-семантического и грамматического (т.е. словоизменительного и словообразовательного) уровней.

Результаты этих исследований показывают, что грамматика не отделена от лексики, а, наоборот синкретична с ней, разлита, "размазана", так сказать, по ассоциативно-вербальной сети, которая репрезентирует индивидуальный лексикон носителя языка. Грамматика в ней хранится в лексикализованном виде, так что все грамматические формы распределены между узлами-лексемами этой сети. Если бы мы обладали таким средством, которое позволяло бы остановить время, одномоментно зафиксировать грамматическое состояние всех узлов индивидуальной ассоциативно-вербальной сети носителя языка, мы могли бы наблюдать картину, при которой каждая находящаяся в своем узле лексема, связанная десятками и сотнями семантических нитей-связей с другими такими же узлами, оказалась бы запечатленной в одной из своих

² Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1991 (в печати).

³ Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Лексикография. М.: Русский язык, 1991 (в печати).

косвенных словоформ: именно так, синкретично с лексемой соединена грамматическая форма в индивидуальном лексиконе носителя языка. В текущем же, неостанавливаемом времени каждая лексема находится в состоянии постоянной грамматической осцилляции, воплощаясь каждый раз в той словоформе, которая оказывается необходимой для проходящего через сознание — порождаемого или воспринимаемого — в данное время текста. Однако взятая в любой отдельный момент, совокупность всех состояний однотипно изменяемых лексем интегрирует целиком и, видимо, интегрирует с многократной избыточностью соответствующую парадигму, которая оказывается тем самым всегда присутствующей в лексиконе, но распределяется между разными аналоговыми лексемами ассоциативно-вербальной сети. Такой механизм и обеспечивает владение грамматикой, или "языком" в узком смысле слова, т.е. языком на вербально-грамматическом уровне.

Как свидетельствует опыт изучения "Ассоциативного тезауруса русского языка"⁴, из всего множества лексем, зафиксированных в усредненной ассоциативно-вербальной сети носителя, одномоментно в лемматизированной форме их оказывается не более 20—25%, что в точности соответствует "грамматическому состоянию" т.е. степени грамматикализованности среднего текста на современном русском языке. Следовательно, ассоциативно-вербальная сеть, воплощающая структуру индивидуального лексикона, содержит в себе и признаки словаря, поскольку состоит из набора семантически и грамматически связанных одна с другой единиц, и некоторые признаки текс-

⁴ Ассоциативный тезаурус русского языка представляет собой автоматизированную систему ассоциативных словарей, подготовленную по результатам массового социо- и психолингвистического эксперимента и хранящуюся в ИРЯ АН СССР.

та, поскольку степень грамматической оформленности этих единиц соответствует степени их оформленности в текстах.

Косвенным подтверждением справедливости или, во всяком случае, правдоподобности высказанных положений может служить обращение к словарю индивидуальности, словарю языка писателя, поэта. Такой словарь не является, естественно, одномоментной фиксацией состояния ассоциативно-вербальной сети соответствующего автора, но представляет собой протяженную во времени серию подобных фиксаций, каждая из которых отвечала когда-то тому или иному порождаемому им тексту.

Если ассоциативно-вербальной сети свойственно одно какое-то грамматическое состояние узлов, то в индивидуальном словаре мы обнаруживаем интересующую нас лексику отмеченной в разных состояниях, но и принадлежащей разным контекстам. При этом для подавляющего большинства лексем, несмотря на их относительно высокую встречаемость в текстах определенного автора, характерна неполнота грамматической парадигмы. Так, слово *болезнь* употреблено в трилогии М. Горького 15 раз, но среди его форм отсутствуют Вин. и Предл. п. ед. ч., Им., Вин. и Твор. падежи мн. ч.⁵ В словаре к произведениям А.С. Пушкина⁶ то же слово мы находим с частотой 56, но его парадигма опять-таки полностью не восстанавливается из этих словоупотреблений, так как ни разу не зафиксированным оказался Дат. п. ед. и мн. ч. С аналогичной картиной мы столкнемся, обратившись к словоформам этой лексики, например, в романе Л.Н. Толстого, где ее частота равна 60⁷, или в творчестве М.Ю. Лер-

⁵ Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1974, с. 138.

⁶ Словарь языка Пушкина, М., 1956. Т. 1. С. 157.

⁷ Частотный словарь романа Л.Н. Толстого "Война и мир". Тула, 1978, с. 21.

монтова, употребившего это слово в своих текстах 38 раз⁸. Значит ли это, что Горькому была неведома форма предложенного падежа этого слова, а Пушкин никогда не употреблял или не слышал словоформы в дательном падеже? Вопрос кажется абсурдным.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Конечно, словарь к одному произведению или даже словарь всего творчества того или иного автора не в состоянии охватить всех словоупотреблений, произведенных или воспринятых данной индивидуальностью в течение своей жизни. Но даже и это множество слов, коль скоро его удалось бы зафиксировать, не покрывало бы всех возможных словоформ и дериватов, представленных в современном данной личности варианте литературного языка. Тем не менее, владеющий языком человек в состоянии опознать и идентифицировать никогда им ранее не встречаемую и самим не использованную форму известной ему лексемы или ее деривата. В этом, как было сказано выше, и состоит суть владения языком, суть языковой способности человека.

Словарь творческой индивидуальности, скажем, словарь языка писателя, в каком-то смысле подобен ассоциативно-вербальной сети, отличаясь от нее двумя особенностями. Во-первых, ассоциативно-вербальная сеть экономнее, чем индивидуальный словарь, так как не совмещает в одном узле более одной словоформы одной и той же лексемы, тогда как словарь под именем лексемы включает (или может включать) все ее употребления в разных текстах. Ср., например, слово *болото* в упомянутом словаре Горького, где оно в соответствующей словарной статье приведено в таких формах:

⁸ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 721.

болото, на болоте, в болоте, болота. Во-вторых, ассоциативно-вербальная сеть обладает большей динамичностью, поскольку грамматическое состояние любого узла не предопределено заранее, а зависит от производимых или воспринимаемых текстов. В словаре же все формы статичны, зафиксированы раз и навсегда.

Итак, мы вплотную подошли к формулировке нашей задачи и раскрытию содержания проводимого для ее решения эксперимента. Чтобы моделировать языковую способность человека, достаточно имеющемуся в нашем распоряжении словарю любого автора, в котором воплощается его индивидуальный лексикон, придать ту же степень динамичности, которая свойственна ассоциативно-вербальной сети. Достичь динамичности можно лишь в процессе функционирования лексикона или сети в продуктивном или рецептивном режиме. Что касается первого, то трудно себе представить ситуацию, чтобы кто-то, вооруженный всеми словоформами, находящимися в словаре определенного автора, смог воспроизвести созданные им тексты. Даже словоформы одного небольшого художественного произведения, например стихотворения Пушкина, будучи предложенными в качестве материала человеку, который не знает этого стихотворения наизусть, не приведут к своему "автора" к тому же результату. И это понятно: текст, а тем более художественный, не состоит из соединения лексической семантики с грамматикой: при его создании в действие включаются обязательно более глубокие и сложные уровни организации языковой личности, — когнитивный, или уровень знаний о мире, и прагматический, или целеполагающий и мотивационный. Моделировать же их индивидуальную структуру и содержание принципиально невозможно.

Иначе обстоит дело с функционированием словаря (или индивидуального лексикона, или ассоциативно-вербальной сети — после сделанных разъяснений эти

понятия можно употреблять как синонимы) в рецептивном режиме, т.е. в режиме восприятия, чтения с данным словарем текстов других авторов. Те лакуны, те несовпадения, которые будут обнаруживаться при сопоставлении, при наложении друг на друга словников, с одной стороны, индивидуального лексикона или авторского словаря,⁹ а с другой стороны, словника текста, читаемого как бы носителем этого лексикона, получают объяснения на основе реконструкции ассоциативно-вербальной сети, выявления ее потенций, ее системной экстраполяции за пределы реального, материализованного и зафиксированного в словаре словника.

Предлагаемый здесь эксперимент может быть назван так: "Пушкин читает Маканина". В качестве активно функционирующего индивидуального лексикона, моделирующего тем самым языковую способность, используется четырехтомный словарь произведений А.С. Пушкина⁹, а объектом его восприятия выступает рассказ В. Маканина "Человек свиты"¹⁰. В итоге мы получаем ответ на вопрос, мог бы носитель русского языка, принадлежащий по своему воспитанию и уровню знаний к первой трети прошлого века, даже такой выдающийся представитель этой эпохи, как Пушкин, понять текст, относящийся к нашему времени, входящий в контекст современной русской литературы. Выбор текста, на полтора века отстоящего от времени существования личности, которой принадлежит диагностирующий словарь, интересен в нескольких отношениях, он дает возможность ответить на три группы вопросов — вопросы, относящиеся к языку, его эволюции; вопросы, касающиеся языковой личности вообще и той конкретной индивиду-

⁹ Словарь языка Пушкина. М., 1956—1961. Т. 1—4.

¹⁰ Маканин В. Человек свиты. Повести и рассказы. М., 1988. С. 149—198.

альности, чей словарь мы используем; наконец, вопросы методологического плана.

Среди первой группы вопросов я бы назвал такие:

- какие изменения произошли в структуре языка, в его семантике, грамматике, расширении лексического состава;

- как изменилась картина мира у современного носителя русского языка по сравнению с картиной мира русского человека первой трети прошлого века и какое отражение это нашло в данном тексте и используемых языковых средствах;

- каковы собственно языковые и текстоорганизующие показатели происшедших за полтора века коммуникативно-прагматических изменений, связанных с построением текста, отражением в нем позиции автора и ее соотношения с позицией читателя, с особенностями мотивации действий персонажей, используемой аргументации, идеалов и целей и т.п.

Что касается вопросов второй группы, то здесь я выделяю следующие:

- как функционирует индивидуальная ассоциативно-вербальная сеть в рецептивном режиме, каковы закономерности ее самоорганизации и саморазвития:

- как соотносятся друг с другом активный и пассивный словарь личности — и в качественно-содержательном отношении, и в количественном.

К вопросам методологического плана следует отнести по меньшей мере два:

- в чем суть процесса понимания, каковы факторы, его затрудняющие на разных уровнях языковой структуры и на разных уровнях устройства языковой личности:

- как с учетом упомянутых факторов должен строиться комментарий к тексту, облегчающий его понимание.

Теперь, когда сформулированы исходные положения и намечены задачи исследования, мы можем приступить к

описанию самого эксперимента. Рациональнее сделать это в несколько этапов: сначала раскрыть методику его проведения, продемонстрировав сплошное продвижение по тексту с диагностирующим словарем Пушкина; затем углубленно прокомментировать те основные линии наблюдений, которые будут выявлены после первого этапа и развитие которых будет давать ответы на сформулированные выше три группы вопросов; в заключение провести общую, так сказать, на макроуровне, оценку по результатам сопоставления словаря Пушкина со словником анализируемого рассказа. Текст его был введен в ЭВМ, получены необходимые для его анализа словник, частотные характеристики текста и словника, а также конкорданс.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ЧТЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ, (ПОСЛОВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ НА МИКРОУРОВНЕ)

В качестве образца сплошного прочтения текста я привожу фрагмент, взятый не из его начала, а начиная со 155 страницы и выбранный благодаря большому количеству разнообразных и интересных несовпадений между словарем и текстом, лакун в словаре, которые либо компенсируются за счет гибкости и возможностей самоорганизации ассоциативно-вербальной сети, лежащей в основе словаря, либо, когда компенсация невозможна и потенциал ассоциативно-вербальной сети не хватает, становятся источником неясностей, неполного понимания текста. На самом деле анализ текста, его чтение со словарем Пушкина проводилось с первой его строчки, и поэтому сделанные ниже обобщения покажутся, вероятно, шире, чем позволяют продемонстрировать приведенные в статье проанализированные фрагменты.

Итак, я привожу целиком отрывок с указанной страницы книги Маканина: